

УДК 94(4)"04/14"
ББК 63.3(4)4

Н. И. Девятайкина

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД ГУМАНИСТА ПЕТРАРКИ (На материале трактата «О средствах против превратностей судьбы»)

Трактат «О средствах против превратностей судьбы» поэта и гуманиста Петрарки (1304—1374) раскрывается ныне как многоуровневый, метафоричный, «сложносочиненный» структурно текст. Один из его «негромких» диалогов *De minutis taediis rerum variarum* («О разных мелких неприятностях»), позволяет в контексте всего сочинения прорисовать важные составляющие метода Петрарки. Герои его диалогов — Печаль и Разум не поддаются однозначной социально-статусной «идентификации». Первый персонаж к концу разговора обрывает признаками собирательного образа; Разум — интеллектуал, его суждения о природе, месте человека в ней и мире обладают выраженной ренессансно-гуманистической новизной. Как правило, Печаль кратко обозначает темы разговора, Разум разворачивает их из повседневности в пространство большой картины мира, высокой эстетики, философского осмысления жизни. Его аргументация разнопланова: здесь и личный опыт, и примеры из жизни знаменитых людей, и культурные сведения с явным перевесом в древнеримскую сторону. Она показывает, что автор не отыскивает истину всякий раз в споре с самим собой или каким-то оппонентом, а излагает свое видение проблемы, свои взгляды и рекомендации.

Ключевые слова: Петрарка (1304—1374), трактат «О средствах против превратностей судьбы», диалог «О разных мелких неприятностях», роли персонажей, творческий метод Петрарки, ранний ренессансный гуманизм, тема природы, картина мира.

N. I. Devyataykina

CREATIVE METHOD OF HUMANIST PETRARCH (On the material of the «Phisicke against fortune treatise»)

The treatise *Phisicke Against Fortune* by poet and humanist Petrarch (1304—1374) now began to be revealed as a multilevel, metaphorical, structurally «complex» text. One of its not very famous dialogues, *De minutis taediis rerum variarum* (*On Different Minor Troubles*), allows important components of Petrarch's method to be drawn in the context of the entire writing. Heroes of his dialogues — Grief and Mind do not succumb to unambiguous social-status «identification»; The first character is filled by signs of a collective image towards the end of the conversation; Mind is an intellectual, his judgments about nature, the place of man in it and in the world possess a pronounced Renaissance-humanistic novelty. As a rule, Grief briefly denotes the topics of conversation, Mind unfolds and develops them from something having daily occurrence to the space of a large picture of the world, high aesthetics, philosophical thinking of life. His argument is diverse: personal experience, examples from the lives of famous people, cultural information with a clear

© Девятайкина Н. И., 2020

preference given to the ancient Roman side. It shows that the author does not discover the truth every time in a dispute with himself or some opponent, but sets out his vision of the problem, his views and recommendations.

Key words: Petrarch (1304—1374), «Phisicke Against Fortune», dialogue «De minutis taediis rerum variarum» (II, 90), roles of characters, Petrarch's creative method, early Renaissance humanism, nature theme, picture of the world.

Фигуры первого плана, среди которых итальянский поэт и гуманист, зачинатель культуры Возрождения Франческо Петрарка (1304—1374), не уходят из зоны культурного и научного внимания столетиями. Это относится и к сегодняшнему дню. Он отмечен явным усилением ученого и культурного интереса к «латинской» составляющей творчества Петрарки, в ответ на которое последние три-четыре десятилетия принесли академические переводы многих сочинений на разные языки. Среди них «фортуна» выделила трактат «О средствах против превратностей судьбы», переведенный впервые или заново на четыре языка (английский, французский, итальянский, русский) и изданный в виде одно-двух или многотомников, билингвально, с источниковедческим, контекстно-историческим и литературоведческим комментарием. (Французские исследователи пишут, успех пришел рано: впервые трактат был переведен на французский язык уже XIV в., первым из сочинений Петрарки [5, p. 19]).

Относительно ранних *изданий* трактата тщательное разыскание провел в свое время У. Фиск. Его данные также красноречиво свидетельствуют о популярности трактата: типографски он был напечатан первым из сочинений гуманиста; только в XV в. выдержал не менее 10 изданий; для не которых лет XVI в. отмечено по три переиздания. В этом же веке начались его активные переводы на разные языки: 1501 — на чешский, 1510 — на испанский, 1523 — очередной перевод на французский, 1532 — на немецкий, 1549 — на итальянский, 1579 — на английский, 1606 — на датский. 1641 — на шведский. 1644 — еще раз на французский, 1720 — на венгерский [7, p. 15—23]. Современные переводы в совокупности значительно расширили горизонты понимания текста.

Все они, благодаря помощи коллег и друзей, оказались в руках автора статьи, что сделало возможным последовательное и много давшее знакомство с текстологическими наблюдениями и комментариями. Заметим, что переводчики, используя все ценное, сделанное предшественниками, дополняли, уточняли в каких-то моментах, друг друга. Для американского переводчика К. Равски было важным по следам американских же (Э. Х. Уилкинса и др.) биографов Петрарки обозначить «личные» составляющие диалогов [12, p. 7—18]; эту линию подхватил У. Дотти, при этом еще и существенно расширив компаративные характеристики диалогов, указывая, в каких других сочинениях и как рождалась или трактовалась та или иная тема [11, p. 1568—1602]. Для Кр. Карро была интересна неявная, т. е. не имеющая прямых отсылок, затекстовая «классическая» составляющая аргументации Петрарки, а также «французский след» в текстах [6, p. 143—153]; для «классика» — переводчика Л. М. Лукьяновой — сохранило свою актуальность обращение гуманиста к примерам из античности. Они прокомментированы через контексты; тщательно обозначены также библейские адресации [3, с. 583—615]. К сожалению, по условиям этого издания, приложить в качестве отдельного тома широкий культурно-исторический комментарий, который был во многом

разработан автором данной статьи, оказалось невозможно. Отчасти его можно найти в нашей монографии 2010 г. [1, с. 11—127].

В целом трактат раскрывается ныне как многоуровневый, метафоричный, «сложносочиненный» структурно, требующий дальнейшего осмысления. Он написан, напомним, в зрелые годы (1354—1366), состоит из 254 (или, согласно Дотти, 253) диалогов, разделенных почти поровну на две книги, в первой из которых идет разговор о том, что есть счастливая фортуна и насколько ей можно доверяться, во второй — как себя вести человеку в случае несчастливой, враждебной «судьбы». Участники обращаются к обсуждению многих этических, философских, религиозных, политических, социальных, эстетических, естественнонаучных и повседневно-житейских тем. Их ведут аллегорические персонажи Разум, Радость или Надежда, Скорбь или Страх. Название, по мнению М. Ариани, «смоделировано» с псевдосенекианского *De remediis fortuitarum* («О средствах против случайностей») [4, р. 1568], у стоиков позаимствованы также имена персонажей.

По отдельности диалоги давно начали привлекать внимание специалистов по истории литературы, культурологии, философии своей гуманистической (этической, эстетической) тематикой. Но *сплошного*, системного, всестороннего их осмысления как единого «мегатекста» пока никем, кроме К. Хайтмана, занимавшегося изучением генезиса трактата [8, р. 9—30], не предпринималось; не прояснен системно и вопрос о творческом методе Петрарки. Попытка сделать шаг в этом направлении сделана в предлагаемой статье через материал одного из самых «невыигрышных» диалогов, который рассматривается в контексте всего произведения.

Диалог называется *De minutis taediis rerum variarum* («О разных мелких неприятностях»), помещен во второй половине второй книги трактата, будет цитироваться по современной публикации Дотти [10, р. 1547—1567]¹.

По объему диалог больше многих других. Его ведут между собой два аллегорических персонажа, позаимствованных у стоиков — Печаль (*Dolor*) и Разум (*Ratio*); оба, как давно позволил выявить содержательный и лингвистический анализ диалогов, — представители мужского пола (условно, Печальный собеседник и Разумный собеседник). Возможно, из-за неяркого названия этот диалог, как и немалая часть других, пока выпадал из сферы интереса исследователей, никто из авторов его специально не изучал.

Попытаемся выявить, какие темы затронуты в диалоге, какие в них явлены «знаки» эпохи, что собой представляет аргументация, вложенная в уста персонажей, есть ли в ее составе примеры, наконец, насколько текст связан с другими. Их анализ и позволит прорисовать важные составляющие метода Петрарки.

Если начать с тематики, то она, на внешний взгляд, оправдывает название диалога. Текст начинается с жалоб на тревожные городские крики, споры и вопли «толпы» [10, р. 1547], затем настает черед собачьему лаю, мухам, блохам, крикам совы, мышам, кваканью лягушек, стрекотанию цикад, жаре, холодам, снегу, суше, ливням, соответственно, грязи, пыли, тучам, ветру, грому, молнии. Дальше — больше. Печаль грустит «когда воздух темен от облаков», а они сами тоже вызывают «неприятное ощущение»; его «тревожит

¹ Далее отсылки к соответствующим страницам латинского текста будут идти в тексте сразу после упоминания того или иного высказывания автора диалога; некоторые большие цитаты будут приводиться в переводе Л. М. Лукьяновой.

небесный огонь, град и бури», уточняется, «морские», враждебные ветры, «бросает в дрожь от грома и молнии» [10, р. 1553]. К концу разговора жалобы начинают ход по второму кругу: Печаль «удручают веселые пьяные сборища», «гнетут» толпы и многолюдство городов. Круг скоро прерывается неожиданной жалобой, что этот участник беседы страдает «от надолго затянувшегося судебного решения» и что его не меньше расстраивает «бурная ссора» [10, р. 1565]. При этом Печаль «функции» литературного персонажа, олицетворенной именем, соответствует в диалогах точно. Как мы видели, он и впрямь печалится, беспокоится, тревожится, жалуется на измученность, испытывает отвращение, неприятные ощущения, досадует, страдает, расстраивается, ненавидит. Если обобщить, пребывает в состоянии гнетущего недовольства и сильного раздражения.

Перечисленные «мелкие неприятности» вмещаются в три группы: обстоятельства городской повседневности бытового, социального и, как сегодня можно обозначить, культурно-коммуникативного происхождения; надоедно-раздражающие звуки мира живой природы, устрашающие/угнетающие явления неживой природы. Тематика обнажает и повседневные знаки эпохи — низкий уровень санитарии в домах и на улицах, скученность и многолюдство городской жизни, ее итальянский уличный же колорит (толпы и громкие разговоры), слабая защищенность человека от жары и холода, страх перед грозными явлениями природы. Жалобы на птиц, лягушек и цикад показывают, что в городах «острова» с болотцами и деревьями соседствуют с жильем, природа еще не вытеснена совсем. В повседневность включается важный элемент «цивилизации» — право, суд, которые, как известно, пришли в итальянскую жизнь вместе с ранними коммунальными переворотами XII—XIII вв. и стали неотъемлемой частью общественного и делового быта. (Описание вызывает в памяти многие итальянские городки, жизнь в которых среди природы течет и ныне. Например, в Арква, где провел последние годы Петрарка, и сейчас много небольших «островков» природного происхождения, в центре города есть озеро, со всех сторон его окружают холмы, поросшие деревьями, слышно пение птиц и лягушек, стрекот цикад; дом-музей поэта стоит в саду, там стараются возвращать такие же деревья, цветы и кусты, которые когда сажал в саду он).

Реплики Печали дают возможность отметить один из «компонентов» метода гуманиста: приведенными выше словами, если к ним приставить повторяющееся «я», «меня», «мне» исчерпывается красноречие охарактеризованного персонажа. Так, с редчайшим исключением, происходит на протяжении всех разговоров второй книги, диалог из которой анализируется, равно как и первой. Напротив, Разум, в редчайшем случае реагирует на слова собеседника кратко и односложно. Как правило, его ответы превращаются в целые речи. Наш диалог — одна из демонстраций правила. Приведем для наглядности небольшие цифры. В диалоге 32 реплики Печали занимают 33 строки, а ответные рассуждения Разума — 340 (объемы указаны в ориентации на современные публикации трактата). Ясно, что речи Разума в десять раз объемнее. В иных диалогах соотношение еще более неравное, на одну-две краткие реплики Печали приходится до 14 страниц современного печатного текста, т. е. одного-двух ответов Разума.

Все это позволяет заключить, что реплики *собеседников* Разума и связанный с ними прием призваны в большей степени обозначить тематику, а он, Разум, ее раскрыть. Если Петрарке нужно высказаться устами главного

персонажа пространно, то его немногословный собеседник дважды, а то и трижды повторяет произнесенное, в случае с анализируемым диалогом — повторяет на все лады только что излитую жалобу. Петрарка этим дает передышку читателю, удерживает его внимание.

Ответы Разума, как увидим, даже на малое «заявление» Печали, разворачиваются в очень серьезное суждение.

Для прояснения характера *аргументации* Петрарки, как составной части метода, мы свели основные доводы Разума, в ответах на жалобы Печали, перечисленные выше, в таблицу.

Жалобы Печали и источники аргументов Разума

№	Жалоба Печали	Аргументы «от себя» (значок +), реальные примеры	Аргументы «от» античных, христианских писателей, из мифов	Общехристианские / библейские доводы (значок +), названные тексты
1	Шум воды	+	<i>Цицерон.</i> О республике. Греческие мифы (Сцилла и Харибда)	
2	Лай собак	+		
3	Мухи		<i>Августин.</i> Пролог к Евангелию от Иоанна	Книга Бытия, Исход
4	Блохи	+		+
5	Крики совы		<i>Вергилий.</i> Георгики <i>Макробий.</i> Сатурналии	
6	Мыши	+		+
7	Кваканье лягушек	+, пример	миф о Латоне	
8	Стрекотанье цикад		миф о Тифоне	
9	Жара—холод—снег	+, два примера	миф об Атлантах	
10	Суша—ливень	примеры: царь Александр Ганнибал		
11	Грязь—пыль	+		
12	Тучи—ветер—гром—молнии		Светоний	+ Первая книга царств Псалом 10 Книга Сираха
13	Второй «круг»		Светоний Цицерон	

Таблица показывает, что Разум «во всеоружии»: приводит реальные примеры из прошлого и настоящего, по несколько раз адресуется за аргументами к Цицерону, Вергилию, Светонию, самым любимым римским авторам. К ним изящно присоединяет не менее любимого Августина. В контексте христианской картины мира приводит немало общехристианских доводов (о греховности, человеку как пыли и прахе, бессмертии души, царствии небесном), трижды адресуется к Ветхому Завету. В связи с методом в данном случае

важно указать на равное обращение к античным и библейским авторам, языческой мифологии и христианским представлениям. Что касается примеров, то, с одной стороны, здесь, как и на протяжении всего сочинения, Петрарка эксплуатирует больше всего римскую тему. Как пишет Б. Гене, Запад видел в римских историях книги мудрости. Исключительный энтузиазм история Рима вызывала на Апеннинском полуострове [2, с. 317—318]. Правда, добавим, при очень малой степени точного знания, связанного с эпохами, чередованием событий, деяниями выдающихся личностей. От этой «традиции» Петрарка отошел кардинально.

Кратко проанализируем, как «работает» метод в ответах, т. е. какие же именно советы дает Разум собеседнику в ответ на его жалобы. Если следовать обозначенным нами тематическим группам (обстоятельства городской повседневности, раздражающие звуки мира живой природы, устрашающие/угнетающие явления неживой природы), то по объему ответы почти равны. Главное — разговор свободно и естественно несколько раз переходит из одной плоскости в другую, то в этическую, то в социальную, то в мировоззренчески-христианскую, то в эстетическую, то в историко-антропологическую, что сразу повышает его общий «градус» и культурный уровень. Это тоже составляющие метода. Детальное рассмотрение требует многих страниц, ограничимся одним примером.

Красивый совет звучит в начале разговора по поводу шума городской толпы. Позволю себе привести довольно большую цитату, поскольку по ней можно текстуально проследить упомянутые выше составляющие метода автора.

Печаль. Меня тревожит громкий шум толпы.

Разум. Представь, что ты слышишь шум набегающих и обрушивающихся на утесы волн. Представь, что ты находишься или у Сорга, истока, который шумно выбивается из бездонной пещеры и дальше растекается изумительно прозрачным потоком, или в местах, где сбегает с высокого холма реатинские водопады, которые Нар собирает в Тибр, или около тех водопадов, которые Цицерон называет катадупами, и где с высочайших гор низвергается сам Нил;... наконец, где лаю Сциллы вторит Харибда, крутясь в сиканских водоворотах. Ты привыкнешь и начнешь воспринимать не без удовольствия то, что казалось очень неприятным [3, с. 476].

Разговор показывает, что Петрарка не предлагает никаких бытовых вариантов решения вопроса. В его глазах лучшее лекарство — красоты и «голоса» природы, одно из мест которой было до мельчайших деталей известно ему самому и очень им любимо. Это исток Сорг, на юге Франции, в Провансе, потоки которого, сбегая вниз, обходят с двух сторон крошечный остров, уединенное местечко внутри городка Арква, ныне в его историко-культурном центре. На этом «островке» — дом-музей Петрарки. Гуманист прожил в этом доме почти два десятка лет, каждый день поднимаясь к той самой «бездонной пещере»: мимо нее идет дорога в горы и лес, любимые места его прогулок, поэтические описанные во многих сонетах. Остальные описания в диалоге, как понятно, почерпнуты у авторов (он называет Цицерона), в мифологии. Одновременно они свидетельствуют, что во времена Петрарки уже вполне посещаемыми и представимыми были отроги Нила, не говоря уже разных частях Средиземного моря, в том числе устрашающих водоворотах между скалами.

Добавим, что в ответе слышатся отзвуки темы города /анти-города, которую Петрарка поднимал в ранее написанном трактате «Об уединенной жизни» (1346 или 1356—1357), где противопоставлял городской гвалт тишине полей и лесов, шуму толпы — природным звукам. Это тоже дополняет понимание его метода: он почти не бросает «навсегда» волновавших его тем, возвращаясь к ним прямо или попутно в других сочинениях, письмах, наращивая аргументацию, приводя новые примеры.

В подтексте уже здесь — апелляции к природе как мудрому творцу, дальше они перетекают в текст диалога: по словам Разума, по естественным причинам «гремит молния» [10, р. 1562], кваканье лягушек — ее «благой дар» этим существам [10, р. 1563] и т. д. Скоро Петрарка от частных переходит к картине мира: «Все земные существа созданы, чтобы служить человеку». Дальше идет перечисление, чем именно: кормить, одевать, возить, защищать, упражнять, обучать, напоминать о призвании, обуздывать вредные наслаждения. Через два диалога (II, 93 «О печали и несчастье») он развернет аргументы, создаст на «платформе» антично-христианской антропоцентрической картины мира первый гуманистический гимн достоинству человека и радостям жизни. В наших целях вновь важно отметить составляющую метода: малая тема становится поводом для мировоззренчески важного тезиса и рассуждения. Само рассуждение находит развитие в других диалогах.

Изучение диалогов постоянно сталкивает с вопросом, кто же стоит за Печалью или другими собеседниками-оппонентами Разума, и есть ли в этом случае какие-то «знаки» метода. Разберемся на изучаемом примере. В диалоге Печаль, если вслушиваться в его жалобы, несколько раз «меняет» свой социальный и имущественный облик: то он тягуче жалуется на холод как последний бедняк, не имеющий денег на покупку дров; то как весьма капризный городской бюргер брюзжит по поводу шума, пьяных сборищ; то с чувством говорит, что для него отвратителен неверный и наглый «раб» (читай: слуга), т. е. явно демонстрирует свою состоятельность; о ней же свидетельствуют совет Разума, что надо делать все своими руками, или (при жалобах на коня), что надо ходить пешком. Очень богатому человеку адресованы слова, что причиной жалоб является изнеженность и пресыщенность наслаждениями. Получается, что даже в пределах одного диалога Петрарка стремится создать собирательный образ, своего рода «портрет» городского сообщества. Не случайно, в диалоге, как и многих других, мы встречаем переходы от беседы с одним собеседником к обращению ко многим. «Ты» и «вы» (в смысле — многие, все, люди) несколько раз меняются там местами. Как пишет в предисловии к французской публикации трактата Дж. Тоньон, protagonистами Радости и Разума мы видим людей всех сословий и состояний [13, р. 17—18].

Но при этом «ты» задает тональность беседы, делает ее доверительной, непринужденной, предполагает равенство участников; добавим, выказывает достоинство и независимость Разума и стоящего за ним автора. (О том, насколько актуально для времени Петрарки было обращение на «Вы» или на «ты», какого он считал должным придерживаться сам и рекомендовал остальным, свидетельствует знаменитое письмо-трактат «О наилучшем управлении государством», 1373 г., где вопрос поднят среди первых; гуманист однозначно высказывается за употребление местоимения единственного числа).

Подведем итоги. Анализ диалога в рамках всего трактата позволяет обозначить главные составляющие творческого метода Петрарки. Герои его диалогов — Печаль и Разум не поддаются однозначной социально-статусной «идентификации». Первый персонаж к концу разговора обрывает признаками собирательного образа, при этом в «шахте» достаточно широкого социального и имущественного «лифта» от нервного бедняка до изнеженного богача-сибарита. Подтекстово-постоянным остается, возможно, одно: его предполагаемый Разумом уровень образованности. Он слушает длинные и насыщенные речи, никаких возражений они не вызывают, хотя прямого согласия тоже. Надо полагать, Петрарка-автор не мог не ориентироваться хотя бы на понимание. Его персонаж Разум только в единичных случаях упоминает о собственном общественно-имущественном статусе, в данном диалоге даже косвенных «примет» не просматривается. Но уровень интеллектуальный, образовательный, философский понятен с первых слов, равно как новизна многих суждений о природе, месте человека в ней и мире.

С точки зрения жанра перед нами формальный диалог. Такое построение долго вызывало оценку трактата как чисто средневекового, поскольку по форме диалоги схожи со средневековыми учебниками, где один из собеседников (ученик) задает вопрос, второй (учитель) отвечает. Подобная оценка бытует и в современных справочных трудах [9, p. 1252—1256]. Печаль кратко, но экспрессивно обозначает темы разговора, Разум весьма долго по их поводу рассуждает, разворачивая «малую» тему в пространство большой картины мира, высокой эстетики, философского осмысления жизни. Формальность диалога при этом ощущается мало. Речь Разума тоже экспрессивна, богата, содержит риторические вопросы, адресации к авторитетным авторам, «вставные» новеллы, внутренние диалоги. Его аргументация разнопланова: здесь и личный опыт, и примеры из жизни знаменитых людей, и культурные сведения с явным перевесом в древнеримскую сторону. Но она показывает, что автор не отыскивает истину всякий раз в споре с самим собой или каким-то оппонентом, а излагает свое видение проблемы, свои взгляды и рекомендации. Значительная часть суждений будет подхвачена и развита гуманистами следующих поколений.

Список литературы

1. *Девятайкина Н. И.* Петрарка и человек его эпохи в общественном и личном пространстве (по трактату «О средствах против превратностей судьбы»); Диалоги из трактата / пер. с лат. и коммент. Л. М. Лукьяновой. Саратов: Наука, 2010. 272 с.
2. *Гене Б.* История и историческая культура Средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры. 2002. С. 317—318. 491 с.
3. *Петрарка Ф.* О средствах против превратностей судьбы / пер. с лат. Л. М. Лукьяновой; вступ. ст. Н. И. Девятайкиной. Саратов: Волга, 2016. 616 с.
4. *Ariani M.* Francesco Petrarca // Storia della letteratura italiana. Vol. II. Il Trecento. Roma: Salerno Editrice, 1995. 773 p.
5. *Carraud Ch.* Introduction // Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol. 2. 803 p.
6. *Carraud Ch.* Notes du livre I // Petrarque Fr. Les remedes aux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol. 1. 1167 p.
7. *Fiske W.* Petrarch's treatise "De remediis utriusque fortunae". Text and versions. Firenze, 1888. 123 p.

8. *Heitmann K.* La genesi del “De remediis utriusque fortune” del Petrarca // *Convivium*, 1957. P. 9—30.
9. *Petrarca Francesco* // *Enciclopedia del Medioevo*. Milano: Garzanti, 2007. P. 1252—1256. 1760 p.
10. *Petrarca Fr.* I minuti fastidi della vita, II, 90 // *Petrarca Fr.* I rimedi per una e l’altra sorte / Tradizione e note a cura di U. Dotti. Torino: Nino Aragno, 2013. P. 1547—1567.
11. *Petrarca Fr.* I rimedi per una e l’altra sorte / Tradizione e note a cura di U. Dotti. Torino: Nino Aragno, 2013. 1905 p.
12. *Rawski K. H.* Petrarch’s Remediis for Fortuna, Fair and Foul / A Modern Eng. Transl. Bloomington Ind. Univ. Press, 1991. Voll. 5. Vol. 1. 472 p.
13. *Tognon G.* Le bonheur à l’âge moderne: Pétrarque et la «lectio mundane» // *Petrarque Fr.* Les remedes aux deux deux fortune / Texte et trad. par Ch. Carraud. Paris, 2002. Vol. 2. P. 7—18.

УДК 903'1
ББК 63.442.14(2)

А. В. Уткин, Е. Л. Костылёва

РИТУАЛЬНЫЙ «КЛАД» ФИНАЛЬНОГО ЭНЕОЛИТА С ИВАНОВСКОГО БОЛОТА (Ярославская область)

В статье рассматривается ритуальный «клад», обнаруженный на стоянке Ивановское III (Ярославская область). Среди прочих предметов в «кладе» находился ретушёр, состоящий из деревянной рукояти и узкого стержня из рога. Прямых аналогов деревянной рукояти нет, хотя на других поселениях известны рукояти из рога. «Клад» можно датировать финалом развития волосовской культуры.

Ключевые слова: энеолит, волосовская культура, ритуальный «клад», ретушёр, деревянная рукоять.

A. V. Utkin, E. L. Kostyleva

THE RITUAL “HOARD” OF THE FINAL ENEOLITHIC FROM THE IVANOVO BOG (Yaroslavl’ region)

A ritual “hoard” discovered at Ivanovskoe III site (Yaroslavl’ region) is examined. Among other items the “hoard” includes a retoucher consisting of a wooden handle and a slim stem of horn. No similar wooden handles are known, though some handles made of horn were found in other settlements. The “hoard” can be dated back to the final stage of the Volosovo culture.

Key words: Eneolithic, the Volosovo culture, the ritual “hoard”, a Retoucher, a wooden handle.

Ивановское болото — бывшее палеозеро Валдайского оледенения — находится в Центре Русской равнины, почти в 30 км к северо-северо-востоку от г. Переславля-Залесского Ярославской обл. Через его территорию с запада на восток протекает река Нерль Малая, которая впадает в р. Клязьму и далее сток идёт через Оку в Волгу.

© Уткин А. В., Костылёва Е. Л., 2020